

— Покажите мне, пожалуйста, рецепт ингибиторов моей жены.

Врач недоумевал:

— Это копия, которую нужно оставить в больнице для дальнейшего использования. Зачем вам это?

Цинь Чэн даже не стал ждать, пока ему дадут, и схватил лежащий на столе листок с именем Жун Юя, написанным красной ручкой.

Врач, беспокоясь за единственный экземпляр, сказал:

— Осторожнее, ингибиторы только что приготовили, копия одна, я еще не успел внести их в реестр.

Цинь Чэн, чтобы добиться расположения жены, не мог позволить Жун Юю во время течки использовать ингибиторы вместо него, альфы с отличными данными. Поэтому лучше, чтобы этой копии не существовало.

Помнится, еще месяц назад он требовал, чтобы больница как можно скорее приготовила ингибиторы для Жун Юя. Теперь его слова звучали совсем иначе.

Итак, Цинь, этот наглец, запихнул листок в карман, несмотря на возражения врача, и вышел из кабинета, уверенно шагая.

С коробкой из двенадцати маленьких тюбиков с именем Жун Юя он пошел в туалет, где по неосторожности разбил их все, а затем, насвистывая победную мелодию, отправился к жене.

Маленькая сценка:

Цинь: Моему сокровищу не нужны ингибиторы, во время течки лучше — бип — бип — лучше бы родила ребенка!

Жун Юй: «Не знаю, Цинь больше любит мальчиков или девочек...» [Записал в дневник, но позже смущенный котенок зачеркнул эту фразу черным маркером]

Жун Сяобэй неохотно дифференцировался в омегу, его феромоны пахли чистым молоком.

Жун Юй успокаивал его, говоря, что это неплохо, но маленький живчик, который ежедневно принимал ингибиторы, чувствовал себя несчастным. Его течка продолжалась четыре дня, и после этого он с трудом вернулся в школу.

Войдя в класс, он заметил, что все были заняты своими делами и не обращали на него внимания, несмотря на его четырехдневное отсутствие. Он с облегчением вздохнул, сел на свое место и начал разбирать гору тестов.

Ин Ихан вошел через заднюю дверь с чистой шваброй.

Разговор в больнице сделал обоих одноклассников неловкими. Жун Сяобэй, убирая тесты, старался расслабиться, напоминая себе, что Ин Ихан не плохой человек, и не нужно относиться к нему как к врагу. Но сегодня его сосед вел себя странно.

Стол был приведен в порядок, но Ин Ихан, вопреки обыкновению, не стал приставать к нему с разговорами. Жун Сяобэй сидел на стуле, не зная, чем заняться, нервно сглотнул и, сморщив

нос, спросил:

— Что это за запах от тебя?

Большой парень, который до этого сдерживался, чтобы не заговорить с Жун Сяобэем, не выдержал и посмотрел на него.

— Ты меня ненавидишь, Жун Сяобэй?

— ...

Жун Сяобэй нахмурился и выпрямился, чувствуя себя неловко.

— Нет... не ненавижу.

Он не мог сказать, что ненавидит его, просто каждый раз его оценки оказывались ниже, чем у Ин Ихана, что порождало в нем сильное желание превзойти его и не показывать свою слабость.

Услышав отрицательный ответ, Ин Ихан вернулся к своему обычному выражению лица. Он приблизился к своему маленькому соседу, как ласковая длинношерстная собака, высунувшая язык, желающая облизать хозяина.

— Я знаю, что тебе не нравятся твои феромоны, поэтому я надулся бабушкиными духами. Теперь одноклассники не почувствуют твой молочный запах.

Жун Сяобэй с раздражением закатил глаза.

— Так ты сделал это, чтобы утешить меня?

Ин Ихан быстро кивнул.

Жун Сяобэй, не чувствуя себя утешенным, был в отчаянии. Ин Ихан дифференцировался раньше него, он был энергичным альфой, и Жун Сяобэй часто чувствовал его легкий запах феромонов.

Это был запах благородной пихты, очень ощутимый, и он совсем не походил на его детский молочный аромат.

— На самом деле, мне кажется, твои феромоны приятно пахнут.

Жун Сяобэй услышал, как Ин Ихан неуверенно произнес это. Он отклонился назад, чтобы отдалиться от него, и предупредил:

— Твои слова слишком опасны, я тебе говорю, в следующий раз не говори ничего подобного, как в тот день. Я... я не люблю никого, и никто не имеет права меня метить!

Эти прямолинейные слова ранили Ин Ихана, но он до сих пор не понимал, почему ему так хотелось укунить железу Жун Сяобэя. Поэтому он снова извинился.

— В тот день я был слишком импульсивен, я просто хотел помочь тебе. Ты боишься меня, хочешь отдалиться — это понятно, но я хочу объяснить свою позицию.

Жун Сяобэй смотрел на него широко раскрытыми глазами, внимательно слушая.

— Ты очень талантлив, даже как омега, ты самый лучший из тех, кого я встречал. Я хотел сидеть с тобой за одной партой, потому что хочу стать твоим другом.

Мы можем работать вместе, идти вперед бок о бок. Как думаешь?

Жун Сяобэй, глядя в его глубокие глаза, почувствовал мурашки по коже и, дрожа, произнес:

— Фууу, как ты говоришь! Просто дружба, я не боюсь! В следующий раз я точно займу первое место в параллели и оставлю тебя позади.

Ин Ихан понял, что он согласился, но не хотел признаваться, и с радостью погладил волосы Жун Сяобэя, затем взгляд его упал на стакан воды, стоявший на столе уже четыре дня.

— Я помогу тебе налить горячей воды...

— Эй, не надо, — Жун Сяобэй не хотел, чтобы Ин Ихан относился к нему как к слабому.

В момент, когда они оба схватились за стакан, Ин Ихан отпустил его, но крышка была плохо завинчена.

Жун Сяобэй с ужасом смотрел, как вода, остывшая за четыре дня, пролилась на его грудь. Он хотел отпустить стакан, но было уже поздно.

На них были осенние школьные формы, и толстая ткань вместе с внутренней одеждой промокла насквозь. Под формой у Жун Сяобэя была только флисовая толстовка, которая теперь была мокрой и непригодной для носки.

Ин Ихан был в отчаянии. Он расстегнул молнию на форме Жун Сяобэя, и светло-зеленая толстовка внутри была мокрой, как будто на ней нарисовали карту.

— Это я виноват... я...

— Эй, не говори больше ничего, что теперь делать? Как она высохнет?

Жун Сяобэй дергал мокрую толстовку, прилипшую к телу.

Оглядев класс, он не увидел ни у кого запасной одежды. Ин Ихан посмотрел на себя и, схватив Жун Сяобэя за запястье, повел его в туалет.

— Пойдем со мной.

Близилось время урока, и туалет был пуст. Ин Ихан, заведя Жун Сяобэя внутрь, быстро расстегнул свою форму и стянул свитер.

Под ним была черная футболка, на его руках виднелись рельефные мышцы.

— Надень мою, временно, а твою одежду повесим на батарею в классе, чтобы высохла.

Жун Сяобэй словно завис, и только через полминуты отвернулся, с покрасневшими ушами.

— Я... я не буду!

— Это новая, я сегодня только надел.

— Я... я не хочу...

Зазвенел звонок на урок, за дверью туалета послышались шаги бегущих учеников. Ин Ихан, не раздумывая, одной рукой стянул с Жун Сяобэя форму, а другой задрал его толстовку.

— Эй! Ин Ихан! Я сказал, не снимай мою одежду...

Но Ин Ихан уже силой стянул его толстовку, обнажив стройный, тонкий торс, фарфоровую кожу и розовые соски...

Высокий парень поспешно отвернулся и быстро надел сухую одежду на Жун Сяобэя.

Жун Сяобэй, сопротивляясь, потерпел поражение. Одежда была на размер больше его формы, она была теплой и сохраняла тепло тела Ин Ихана. Он даже сквозь запах жасминовых духов чувствовал его феромоны.

Ин Ихан, не боясь холода, надел форму поверх футболки и потащил его за руку на улицу.

— Первый урок — у классного руководителя, пошли быстро.

— ...Хорошо.

Жун Сяобэй, глядя на статный силуэт Ин Ихана, не мог не признать, что этот парень действительно симпатичный.

Сегодня была пятница, и Жун Сяобэю не нужно было оставаться на вечерние занятия. В его рюкзаке лежали домашние задания на выходные. За ужином он не видел старика Циня, и ужин прошел очень спокойно.

Цинь Чэн в последние дни был в отличном настроении, добиваясь расположения жены, но он чувствовал, что еще не до конца достиг цели. Например, сейчас он хотел быть ближе к Жун Юю, но надеялся, что тот проявит инициативу.

Он положил руку на плечо Жун Юя и уже собирался прошептать ему что-то на ухо, как Жун Сяобэй и Цинь Син, сидящий напротив, одновременно кашляли.

— Я еще несовершеннолетний, можете ли вы, взрослые, вести себя прилично?

<http://bllate.org/book/16806/1545471>